

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ: К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИЙ

Хисамутдинова Наталья Владимировна,
доктор исторических наук, профессор ВГУЭС

*О, как меня завалило жгучим теплом эпохи!
Теплом ее трагедий, теплом её души...*
О. Берггольц

На Иностранном кладбище в японском городе Кобе аккуратные дорожки, ухоженные посадки цветов и кустарников, старинные надгробья. Фамилия «Веймарн» на одном из памятников нисколько не выбивается из ряда других европейских имён: в порту Кобе проживало много иностранцев. Стал он родиной и для сотен русских эмигрантов, в том числе профессора Петра Петровича фон Веймарна, приехавшего в Японию из Владивостока. На мраморном памятнике имеется надпись по-японски, которая рассказывает о выдающихся заслугах ученого перед Японией. Нам же известен его огромный вклад в науку и высшее образование России: он стал основоположником отечественной коллоидной химии и основателем Уральского горного института (ныне Уральского государственного горного университета). Участвовал Веймарн и в становлении высшего технического образования на Дальнем Востоке, приехав сюда в годы Гражданской войны. Судьба беженцев привела тогда во Владивосток множество незаурядных людей: увлечённых геологов Максима Конрадовича Елиашевича и Павла Павловича Гудкова, блестящего лингвиста и архивиста Александра Петровича Георгиевского, химиков-практиков Бориса Петровича Пентегова и Евгения Ивановича Любарского, талантливых инженеров Виктора Петровича Вологодина и Виктора Павловича Баданкина и других, в чьих судьбах оказались отражены многие моменты непростого и трагического времени.

Ещё недавно отечественные историки даже не делали попыток понять эпоху через судьбу конкретного человека: общеизвестным было обусловленное марксистско-ленинской методологией мнение о том, что отдельная личность не может влиять на ход событий. Возможно, виной всему известное сталинское заключение о том, что незаменимых людей не бывает, каждый член социалистического общества представляет собой вполне заменяемый винтик в государственном механизме. Жизнь показала абсурдность этого утверждения: многие проблемы современной России связаны с тем, что в упорном стремлении достичь братства, равноправия и социальной справедливости наша страна потеряла людей, которые как раз и могли воплотить в жизнь идеи благосостояния общества.

Пример исследователей, оказавшихся по воле обстоятельств на Дальнем Востоке, представляется весьма показательным. В то время как «философский пароход» увозил из европейской России в изгнание лучшие российские умы, учёные, инженеры и педагоги, прибывшие на Дальний Восток, закладывали здесь основы науки и высшего образования. Приехав на российскую окраину уже со сложившимися научными интересами, они смогли и в новых условиях найти применение своим знаниям и реализовать свой научный потенциал. До сего дня, в частности, не потеряли своего значения труды Веймарна, внесшего большой вклад в развитие химической промышленности Японии, и Елиашевича, исследовавшего нефтяные поля США. Георгиевский заложил основы дальневосточной архивистики и лингвистических исследований в регионе, а Пентегов стал одним из основателей химической и рыбохозяйственной науки на Дальнем Востоке России.

В этой связи особенно важным представляется реконструкция биографий лиц, ставших участниками или свидетелями переломных моментов в жизни страны. Изучение их жизненного пути и вектора научных исследований, мировоззрения и умонастроений, служебных, семейных и дружеских связей позволяет глубже заглянуть в определенный исторический период, персонифицировать исторические события, обогатить их фактами и конкретизировать их развитие. Сквозь биографическую канву проступают основные события первой половины XX в., а описание научной деятельности позволяет судить об уровне развития науки, условиях работы, отношениях учёного и власти.

С другой стороны, каждый элемент прошлого интересен не только как ступень к выявлению определённых закономерностей, но и сам по себе как образ минувшей жизни. Соприкосновение с ним обогащает и частичкой исторического опыта – соответственно мировоззрению читателя, и частичкой знаний – из той области науки, которой занимались герои повествования. Не случайно, изучение биографий считается одной из древнейших форм познания прошлого и в последние десятилетия, с повышением интереса исторической науки к изучению человека и исторической психологии, выделилось в особую науку – **биографику**.

«Другие исторические науки изучают результаты деятельности людей, – пишет автор труда о биографике И.П. Петровская, – а биографика – непосредственно человека в истории, во всех проявлениях его существования, в т.ч. его психический мир. Это наука о постижении жизни конкретных людей, причастных ко всем областям человеческой деятельности. Подобно науке истории, которую составляет, прежде всего, историческое знание, и лишь кроме него – теория и методика исторических исследований, биографика включает в себя не только разработку теоретических проблем самой науки и закономерностей человеческой жизни, но и собственно биографическое знание: составление биографий и других видов биографических сведений (биографических текстов) и совокупность результатов этой деятельности»¹.

В процессе биографической реконструкции мы должны получить ответы на вопросы «Кто этот человек?», «Какое место он занимал в социуме?», «Почему его жизнь складывалась так, а не иначе?». Для этого, прежде всего, необходимо восстановить как можно больше биографических фактов: поступков или переживаний нашего героя, мнений о нём современников, внешних событий, отразившихся на его жизни. На помощь исследователю приходят всевозможные источники: научная литература, справочные издания, периодическая печать, научные и публицистические работы интересующего нас лица, эпистолярное наследие, мемуары, личные дела из архивов организаций, с которыми был связан человек. Все они в совокупности формируют единое историографическое и источниковедческое поле для реконструкции биографии.

Характерной чертой историографии последних лет является появление большого числа публикаций о развитии науки и высшей школы, в том числе на Дальнем Востоке. Факты биографий П.П. Веймарна, А.П. Георгиевского, П.П. Гудкова, М.К. Елиашевича, Б.П. Пентегова, и других деятелей науки и высшего образования в регионе мы находим в справочных и аналитических трудах, работах по истории отдельных вузов и научных учреждений. Однако в них чаще всего отражены лишь самые общие сведения об этих людях, которые не дают полного представления об их научной, просветительской и педагогической деятельности. Это вполне объяснимо: стремление к персонифицированному анализу научно-педагогической деятельности на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы наталкивается на большие трудности, обусловленные скудостью архивных материалов. Многие документы в своё время были признаны не представляющими интереса и уничтожены, а некоторые источники до сих пор не раскрыты полностью.

¹ Петровская И.Ф. Биографика : Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб. : Логос, 2003. С. 13.

Главной проблемой при работе с любыми источниками является то, что ни один из них не содержит полной информации о человеке, а имеющиеся в них факты далеко не всегда бывают достоверными. Этим нередко грешат даже опубликованные материалы. Во-первых, при их написании какие-то источники могли быть недоступны авторам или просто не обнаружены ими. Во-вторых, авторы преследовали свои цели, в которые, возможно, вовсе не входило уточнение биографических данных отдельных лиц. Поэтому, в частности, в подробном и интересном труде по истории Дальневосточного государственного университета² при детальном описании учебного процесса мы находим сведения лишь об отдельных представителях профессорско-преподавательского состава. В результате может создаться впечатление о большом вкладе в становление высшего образования в регионе одних лиц и о незначительной роли других, тогда как это вовсе не соответствует действительности.

Следует предостеречь от чрезмерной доверчивости даже при использовании энциклопедических и других справочных изданий. Так, до недавнего времени местом последних лет жизни филолога А.П. Георгиевского, приехавшего на Дальний Восток из Казани, указывался Ленинград³. Однако материалы из личного архива учёного позволили установить, что из блокадного Ленинграда Георгиевский вместе со своим вузом, Педагогическим институтом имени Н.А. Некрасова, был эвакуирован в Свердловск, где и провёл последние годы жизни.

Противоречивы сведения и о нахождении в ГУЛАГе химика Б.П. Пентегова. Солидный справочник, в частности, сообщает, что он «с 1943 г. проживал на спецпоселении в Магадане», но письмо Пентегова академику В.Л. Комарову, обнаруженное в архиве РАН и датированное августом 1944 года, было отправлено из поселка Мякит Хабаровского края. Эти факты еще раз доказывают, что нельзя спешить с выводами и обобщениями, следует критически подходить к опубликованным работам и перепроверять содержащиеся в них сведения, сопоставляя их с другими источниками.

Несмотря на уникальность каждого человека, его биография неразрывно связана с исторической эпохой и социальной средой. Особое значение пространственно-временной контекст имеет для реконструкции биографий беженцев и участников Гражданской войны. Поэтому для исследования их жизненного пути важны не только работы биографического характера, но и обобщающие труды по истории Дальнего Востока, истории науки и культуры региона. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что многие беженцы осенью 1922 года покинули Россию и продолжили деятельность за границей. Зная их профессию и научные интересы, мы можем отыскать сведения о них в зарубежных изданиях. Интересные и ранее неизвестные факты о научной деятельности М.К. Елиашевича в США обнаружались, например, в работе Р. Бучанана (Buchanan R.C.) об истории Геологической службы штата Канзас, в которой русский геолог работал в течение нескольких лет («To bring together, cooperate and preserve»: a history of the Kansas Geological Survey, 1864–1989. Lawrence, Kansas, 1989).

При поиске и работе с зарубежными источниками надо помнить о том, что русские эмигранты при натурализации в новой стране могли изменить имя. Это обстоятельство, в частности, долгое время не позволяло обнаружить каких-либо сведений о судьбе того же Елиашевича, покинувшего Владивосток осенью 1922 года. Возможно, его «американская» биография так и осталась бы белым пятном, если бы не переводчик из Сан-Франциско Ив Франкьен, правнук известного владивостокского журналиста В.А. Панова, помогавший в изысканиях. Он подсказал: «Давайте предположим, что приехав в США, он просто сократил свою фамилию». Уже первые поиски принесли плоды: на Интернет-сайте Оклахомского университета была найдена информация о печатных трудах Максима Элиаса (Maxim Elias) по результатам исследований, проведенных в США, и написанных, конечно же, по-

² Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999 / Э.В. Ермакова и др. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. 704 с.

³ Приморский край : крат. энцикл. справ. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 120.

английски. Дальнейшая переписка с американскими коллегами учёного позволила сделать вывод, что Максим Елиашевич и Maxim Elias – одно и то же лицо, а также выяснить некоторые факты биографии нашего соотечественника. Одни русские эмигранты поступали, как геолог Елиашевич, и сокращали фамилию. Другие пытались переводить её на английский язык (Сахаров – Sweet), а третьи брали новую, как это сделал агроном Петр Константинов: приехав в Америку, он стал Питером Коффом (Peter Coff). В любом случае от исследователя требуется изрядная доля находчивости, чтобы сопоставить все факты и выяснить истину. Увы, очень часто единственным способом для этого является посещение кладбища: как правило, надгробная надпись содержит и истинную фамилию, которую человек носил в России, и новое, «заграничное» имя.

Реконструируя жизненный путь человека, мы, несомненно, будем отталкиваться как от конкретных исторических событий, так и от общей картины жизни страны пребывания нашего героя в тот или иной хронологический отрезок. В частности, к пониманию научной карьеры и Елиашевича в США многое добавляет знание о том, что открытие нефтяных полей Эльдorado и начало добычи нефти активизировали деятельность Геологических служб разных американских штатов, в которых и находил себе работу русский геолог. Геологические открытия того периода истории Америки интересовали всё население, а научные публикации были особо востребованы деловыми кругами.

Труды человека, чью биографию мы реконструируем, играют не последнюю роль в этом процессе. В них мы находим ценную информацию о научных пристрастиях и приоритетах, условиях и методах работы, помощниках интересующего нас лица. Так, «Очерки по энергетике культуры» П.П. Веймарна раскрывают его взгляды на вопросы развития образования и науки. Работы Б.П. Пентегова, участвовавшего в химических исследованиях по многим направлениям развития народного хозяйства Дальнего Востока, дают широкую картину становления химической науки в регионе и вклада в неё исследователей-беженцев. По этим работам мы можем судить и о некоторых чертах характера учёного: он очень часто брал в соавторы своих молодых коллег и никогда не забывал назвать тех, кто помогал ему в исследованиях, включая студентов. Это было характерно и для А.П. Георгиевского, чей общительный характер привлекал к лингвистическим наблюдениям многих студентов Государственного дальневосточного университета, причем, не только филологов. Стиль работы М.К. Елиашевича, дотошного исследователя и, судя по всему, большого педанта, хорошо характеризуют такие строки:

«Прослеживание осадочных отложений района шаг за шагом, как вкрест их простирания, так и по простиранию, производилось мною везде, где только была к этому малейшая возможность... Некоторые, наиболее запутанные (со сложной стратиграфией и тектоникой) места, с трудом поддававшиеся увязке с соседними районами, подверглись соответственно особенно упорному и многократному изучению моему, и в конце концов, при накоплении фактического материала, мне удалось наконец с ними справиться и уложить их отложения в общую схему»⁴. Труды Веймарна, Елиашевича, Пентегова и Георгиевского, изданные в своё время во Владивостоке, оказали большую помощь в работе над книгой о деятелях российской высшей школы, волею судьбы оказавшихся на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны⁵. Их сумели сохранить, несмотря на нестабильную обстановку Гражданской войны и последующие трудности, в библиотеке ОИАК, за что следует принести огромную благодарность её сотрудникам. Эти книги не только дают нам представление об актуальности и ценности научной деятельности их авторов, но и сообщают немало подробностей о том, в каких условиях и каким образом проводились исследования,

⁴ Елиашевич М.К. Возраст и качество Южно-Уссурийских ископаемых углей : Объяснит. записка к «Идеальному геолог. разрезу земной коры в районе побережья Амурского залива». Владивосток : Типолитограф. И. Коротя, 1922. С.6.

⁵ Хисамутдинова Н.В. Дальневосточные профессора : Четыре портрета на фоне эпохи. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2011. 192 с.

кто находился рядом с учёным в этот момент, какие перспективы видел он для дальнейшей работы.

К ценнейшим источникам надо, несомненно, отнести периодику. Прижизненные издания, помимо достоверной информации о деятельности нашего героя, передают «дух» эпохи, который является существенным фактором при биографической реконструкции. В газетах и журналах мы также находим множество косвенных свидетельств, позволяющих дополнить картину жизни человека. Они, как и логические предпосылки, играют существенную роль при реконструкции биографии. Однако не стоит забывать, что одни и те же факторы могут воздействовать на людей по-разному. Не случайно, для одних беженский этап стал периодом плодотворной работы, постижения новых знаний, другие же, переживая жизненную трагедию, ушли в себя, не делая попыток каким-то способом проявить свои способности.

В газетах и журналах, вышедших после смерти наших героев, особый интерес представляют объявления о смерти и похоронах и некрологи. Уже сам факт их появления в прессе говорит о значимости данного лица, а сопоставляя публикации разных лет, посвящённые одному и тому же человеку, можно сложить отчетливую картину того, каким он сохранился в памяти коллег и учеников. Иногда именно некрологи позволяют уточнить некоторые факты. Так, долгое время спорным оставался вопрос, когда и каким образом П.П. Веймарн покинул Владивосток. Большинство исследователей считали, что это произошло осенью 1922 года, после установления на Дальнем Востоке советской власти. Именно эта дата до сих пор фигурировала во всех работах об учёном. Но вот аспирант из Германии Маттиас Бюргель, работающий в Ольденбургском университете над диссертацией о российских университетах и технических вузах первой половины XX в., обнаружил некролог, написанный другом Веймарна немецким химиком В. Оствальдом и напечатанный в 1936 году в январском номере журнала «Kolloid-Zeitschrift». Из него мы узнаём, что отъезд Веймарна в Японию произошёл уже весной 1921 году. Благодаря этому некрологу мы получили и полный список научных работ Веймарна, написанных им в России и Японии за 30 лет научной жизни: его составили немецкие и японские коллеги.

«В связи с двухлетней годовщиной со дня смерти мы считали своим долгом напомнить об этом выдающемся человеке. Он должен быть нам дорог не только как талантливый человек, но и как громадная культурная сила», – читаем о Веймарне в другом некрологе, написанном владивостокским журналистом Николаем Матвеевым⁶. И все же, используя некрологи, следует делать поправку на известное выражение: «de mortuis aut bene, aut nihil».

Большая удача, если в распоряжении исследователя имеются дневники, письма, заметки или воспоминания изучаемого человека. Не менее полезными могут оказаться аналогичные материалы, написанные знавшими его людьми. В воспоминаниях современников встречаются оценочные суждения об окружающих, подробности их профессиональной и частной жизни. Так, детальный и всесторонний отчёт о жизни семьи в Китае и сведения о сотнях эмигрантов содержатся в дневниках Ивана Иннокентьевича Серебренникова, которые регулярно велись – сначала в его родном Иркутске, а потом в Китае – до его кончины в 1953 году. Вместе с тем, нельзя отрицать возможное сокрытие информации, ошибки памяти, субъективизм суждений. У того же Серебренникова некоторые фразы подневных записей замазаны так, что их невозможно прочитать. Остается только гадать, убрал ли автор неудачное выражение или постарался скрыть опрометчиво высказанную мысль. Исходя из этого, напрашивается вывод: анализируя с помощью дневников и воспоминаний, личных или современников, характер нашего героя, нельзя спешить с выводами и всецело полагаться на высказанные оценки.

⁶ Амурский Н. Памяти большого русского человека // Рубеж. Харбин, 1937. 24 июля. С. 19.

Пентегов Б.П. и Няньковская Р.Н. в химической лаборатории

Не менее важно и установить взаимоотношения между источниками, возникшими при жизни интересующего нас лица и после его смерти. Можно ли, например, считать вполне достоверным мнение о Пентегове дальневосточного химика О.Б. Максимова, встретившегося с ним в ГУЛАГе: «Химическим отделом заведовал Борис Петрович Пентегов, бывший профессор Дальневосточного университета... Стал он уже очень стар, все позабыл и мало что смыслил в практической аналитической работе»⁷. Пентегову в то время едва минуло 60

лет, и его письма данного периода сообщают об активной научной работе. Скорее всего, критическое суждение о старшем коллеге можно объяснить разницей в возрасте и раздражённостью автора собственным подневольным положением.

Особое значение имеют документы организаций, где учился, работал или членом которых состоял интересующий нас человек. Так, в Центральном государственном историческом архиве СПб важны личные дела студентов Горного института (Фонд 963) П.П. Веймарна, М.К. Елиашевича, П.П. Гудкова, С.Н. Петрова и других. Они дают представление о семьях студентов, их материальном положении, образе жизни, сообщают подробности обучения и даже личной жизни: в институтах того времени любые события в жизни студента, даже поездки к родителям или женитьба, в обязательном порядке документально фиксировались.

В Российском государственном архиве экономики (Москва) интерес представляет фонд Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (Фонд 4394) с личными делами её членов-преподавателей вузов Владивостока. Используя их, следует лишь помнить о том, что, заполняя анкету при вступлении в Ассоциацию, человек вряд ли афишировал те факты своей биографии, которые были способны бросить какую-либо тень на его имя. Скорее, напротив, он выделил то, что характеризует его положительно в глазах властей. Поэтому не удивительно, что Б.П. Пентегов подробно остановился в автобиографии на своей революционной молодости, а автобиография В.П. Бажанова оказалась весьма краткой: до приезда во Владивосток он служил военным инженером сначала в царской, а потом в белой армиях.

Множество уникальных материалов о выходцах с Дальнего Востока России хранится в Музее-архиве русской культуры в Сан-Франциско. Эта общественная организация была создана в 1948 году русскими эмигрантами для сбора и хранения всевозможных культурно-исторических материалов о родине. Инициаторы писали: «Это новое в США общественное хранилище материалов о нашем прошлом, о духовном творчестве лучших людей эмиграции и всём том, что освещает частную и общественную жизнь и быт русских людей, рассеянных по разным странам...»⁸. Чтобы собрать сведения о культурной элите русской эмиграции, организаторы Музея-архива русской культуры распространили среди выходцев из России специальную анкету. «Правление Музея-архива просит отнестись к ней с полным вниманием и доверием, – сообщалось на бланке. – Правление заверяет, что, как и к самой анкете, так и ко всем тем культурным ценностям, которые вы пожелали бы предоставить Музею, оно отнесётся с максимумом бережливости, уважения и будет хранить их ради наших общих

⁷ Максимов О.Б. Воспоминания. Владивосток : ДВО РАН, 2002. 200 с. (Серия «Наука в лицах»). С. 170.

⁸ Museum of Russian Culture. Хранилище памятников культуры и истории Зарубежной Руси : Сб. Сан-Франциско : Изд. ред. коллегии Музея русской культуры, (1955). С. 4.

интересов и целей»⁹. Данную анкету заполнили М.К. Елиашевич, П.П. Гудков и другие эмигранты, сообщив биографические данные и приложив подробный список трудов.

Пожалуй, личные дела – наиболее достоверный источник информации о человеке. Но и при их использовании всё же следует помнить о разности восприятий и неоднозначности оценок в разные эпохи. Собственный опыт, увы, не помощник в реконструкции чужой биографии. Понять своего героя можно, но пережить вместе с ним события прошлого нельзя. Наводит на размышления, например, характеристика уроженца Казани математика А.П. Бекеева, пришедшего во Владивосток с армией А.В. Колчака: «В общественной жизни участвует весьма активно, кандидат в члены Горсовета и работает по линии народного образования. Формально он все поручения выполняет образцово, однако политически себя совершенно не проявил; по политическим вопросам совершенно не выступает. Как педагог пользуется большим авторитетом, но вместе с тем имеется громадный процент неуспевающих по его кафедре. Несмотря на показную активность, чувствуется, что Б[екеев] далеко не лоялен по отношению к Советской власти и требует глубокого изучения и непрерывного наблюдения над ним» (из отчета ДВПИ за 1937 г.). Это вполне объясняет то, почему неоднократные ходатайства кафедры о представлении Бекеева к ученому званию профессора и степени кандидата физико-математических наук без защиты диссертации оставались без ответа, а также его арест (июль 1938) и осуждение на три года исправительно-трудовых лагерей.

Немало ценных материалов мемуарного характера ныне можно найти в Интернет-ресурсах на региональных сайтах краеведческого характера. Так, о профессоре Харбинского политехнического института В.А. Белобродском написала его дочь¹⁰, а сведения о профессоре Государственного дальневосточного университета К.Д. Луговкине обнаружены в воспоминаниях Е.А. Матяшиной (Чумаковой)¹¹.

Приступая к реконструкции биографии, надо быть готовым к активному поиску и общению: ведь где-то есть люди, сохранившие сведения о данном человеке в силу семейных, дружеских, деловых или иных связей. Счастливым случаем, в частности, стало заочное знакомство с внучками А.П. Георгиевского, Татьяной Борисовной и Натальей Борисовной Фроловыми, живущими в Екатеринбурге. Они не только сохранили личный архив исследователя, но и бескорыстно передали во Владивосток уникальные материалы, в том числе рукописи неопубликованных работ Георгиевского и семейные фотографии, которые позволяют лучше взглянуть в этого человека, увидеть его с новых, порой неожиданных сторон.

Заочная дружба с профессором из Екатеринбурга Владимиром Викторовичем Филатовым, автором нескольких книг о деятелях горной промышленности и высшей школы Урала, способствовала пополнению знаний о П.П. Веймарне как ректоре Уральского горного института. Благодаря Даниелю Мерьяму (Daniel Merriam), сотруднику Геологической службы штата Канзас, почётному профессору Канзасского университета, мы располагаем фотографией М.К. Элиаса-Елиашевича, сделанной в США в 60-е годы XX в., и ранее неизвестными материалами о его работе в США.

Размышляя о выборе героев для биографической реконструкции, согласимся с И.Ф. Петровской. Она пишет: «Задача биографики – не показывать, “делать жизнь с кого”, не являть примеры для подражания и объекты восхищения..., а раскрыть многообразие людей и сложность каждого из них. Точнее – не выявление особо выдающихся деятелей какой-то элиты, а, в конечном счете, создание группового портрета общества, состоящего из

⁹ Музей-архив русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция анкет. Анкета Елиашевича М.К. от 25 сентября 1950 г.

¹⁰ Соболева Н. Мой папа – белый офицер, профессор ХПИ, патриот Родины...: электронный ресурс: URL: <http://kachkanarka.ru>. Дата обращения: 10.11.2010.

¹¹ Матяшина Е.А. (Чумакова). Воспоминания : URL : <http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/one/vospominanie/2/>. Дата обращения: 23.04.2013

неповторимых индивидуальностей, где каждый самоценен и значим, в каждом есть что-то достойное внимания, изучения»¹².

Если в этом контексте говорить о деятелях науки и высшего образования на Дальнем Востоке, то чем больше их будет охвачено исследованием, тем лучше. Важно сравнить область их интересов, причастность к научно-педагогической или иной деятельности, степень вовлеченности в общественно-политическую жизнь – до Гражданской войны и переезда во Владивосток, при советской власти и, для некоторых, в эмиграции. Поэтому рядом с биографией П.П. Веймарна интересны факты жизни его ученика Н.И. Морозова, последовавшего за учителем из Петрограда сначала в Екатеринбург, а затем во Владивосток, или другого химика, Б.П. Пентегова, проводившего исследования рука об руку с Веймарном, в том числе в Японии, но не уехавшего вместе с ним в эмиграцию и расплатившегося за верность советской власти двадцатью годами лагерей.

Реконструируя биографию, исследователь выступает сразу в нескольких ролях: архитектора, проектирующего «здание», снабженца, добывающего необходимые материалы, наконец, строителя, возводящего всё сооружение. Получится ли оно основательным и красивым, зависит от того, насколько дотошно и добросовестно он подошел к делу, насколько грамотно сумел распорядиться собранным материалом.

¹² Петровская И.Ф. Биографика... С. 20.